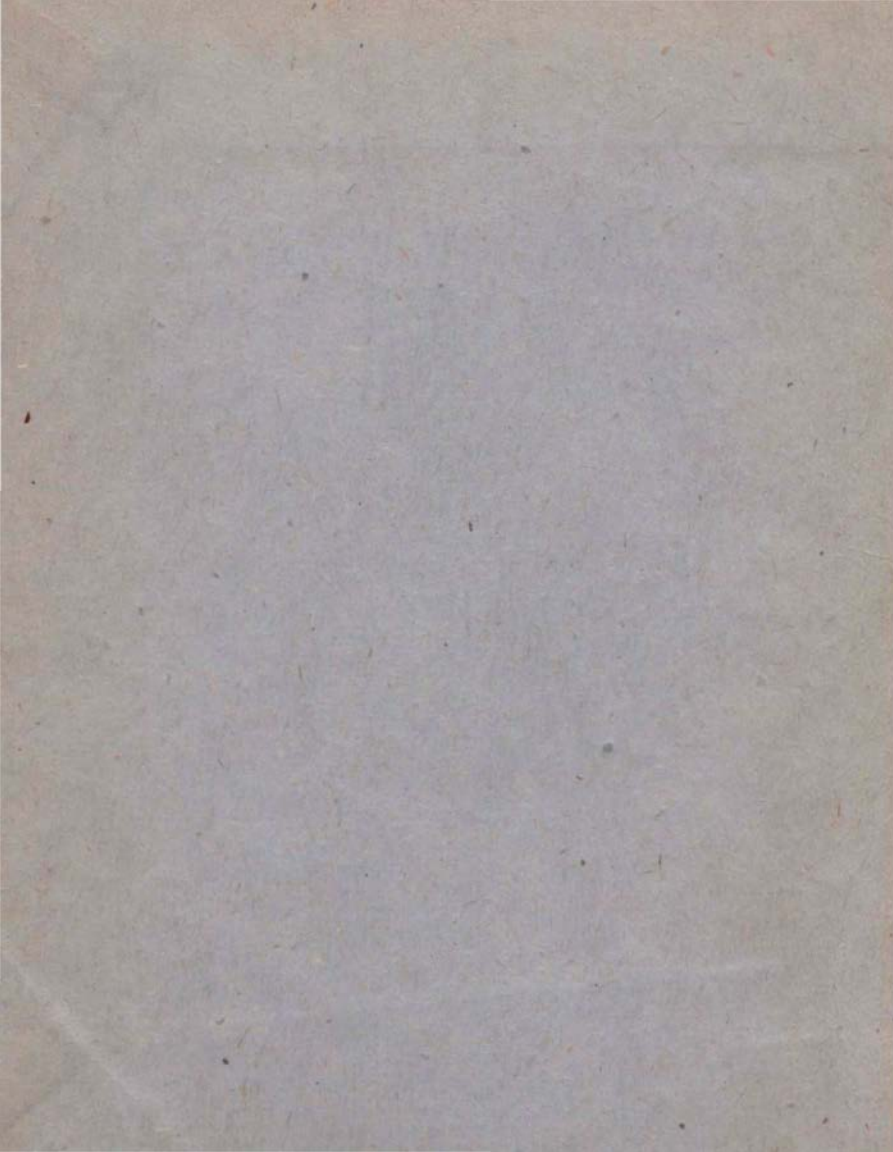

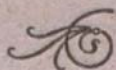
v 430
440

430
440
А. Ф. Евстигнеев-Беляков.

Семейный быт и дети.

ПУБЛИЧНАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ЛЕКЦИЯ,
прочитанная 27-го февраля 1927-го года во Втором
Московском Государственном Университете.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

МОСКВА—1927.

430
440
А. Ф. Евстигнеев-Беляков.

Семейный быт и дети.

ПУБЛИЧНАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ЛЕКЦИЯ,
прочитанная 27-го февраля 1927-го года во Втором
Московском Государственном Университете.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

МОСКВА—1927.

2010515185

Глязлит № 90824.

Тираж 500 экз.

Типография Иванова, г. Сергиев, Моск. губ.

Русская народная мудрость говорит: „Детушек воспитать—не курочек пересчитать (или перещипать)“.

Прежде чем перейти к содержанию темы: „Семейный быт и дети“, я должен сделать несколько предварительных замечаний.

Кроме того, я должен отметить совершенную невозможность в одну лекцию исчерпывающе рассмотреть такой большой вопрос, как быт семьи и влияние этого быта на подрастающие поколения. Этим объясняется, почему я в дальнейшем изложении остановлюсь только на главных моментах семейного быта.

Когда мы анализируем и обобщаем многочисленные высказывания различных педагогов последних столетий, мы определенно констатируем два основных течения в науке о воспитании, педагогике: первое течение—более сильное во все времена и у всех народов—может быть сформулировано, как *целенамеренное* воспитание: воспитатели ставят себе определенные цели и различными средствами стремятся к достижению этих целей; второе течение—в общем более слабое, но представленное не менее талантливыми авторами,

нежели первое (например, Ж. Ж. Руссо, Л. Н. Толстой и др.)—подходит к ребенку без определенных целей, полагаясь в этом отношении на природу, которая-де по своей целесообразности, без вмешательства педагога, даст из природы ребенка тот „пышный цветок“, который должен явиться в результате воспитания; это течение получило название *свободного воспитания*. Не трудно подметить, что указанные два направления в педагогике соответствуют двум основным подходам к человеку в социологии: одни социологи рассматривают человека, как неперменного члена человеческого коллектива, со всеми вытекающими отсюда последствиями; другие доказывают, что человеческая личность выше всего, и объявляют войну человеческому коллективу за освобождение человеческой личности от его, коллектива, угнетения. Гениальное открытие Марксом законов общественности, говорить о которых не входит в мою задачу, установило, что человеческое общежитие живет и развивается не по воле отдельных вождей и представителей человечества, а по определенным законам, которые также непреложны, как законы природы. Совершенно ясно, что борьба некоторых социологов за какого-то сверхчеловека при таких условиях походит на борьбу не бывшего никогда в действительности астронома, который вздумал бы воевать, скажем, за освобождение солнца от „обязанности“ восходить на востоке и заходить на западе.... Но Маркс своим гениальным открытием доказал не только закономерность развития человеческого общества: открытие Маркса доказало совершенную неизбежность того социального строя, в коем интересы

человеческой личности гармонически совпадут с интересами человеческого общества,—строя, о коем мечтало так много выдающихся борцов за „униженных и оскорбленных“, по поводу которого строилось бесчисленное множество различных утопий, социального строя, который получил название социализма или коммунизма. „Научный социализм“—это не построенная по всем правилам науки новейшая социальная утопия, а научно доказанная, как неизбежность, форма человеческого общежития, логически вытекающая из той социологической закономерности, которую я указал выше. Итак, человеческая личность никогда не существовала *вне* человеческого общества (это мы видим из истории) и никогда вне социальной среды существовать *не будет* (это доказывается современной научной социологией). Можно ли при таком положении отказать от целей воспитания, понимая под последними приспособление новых поколений к требованиям и условиям человеческого общества?

—Понятно, нет. У Маркса читаем: „Для изменения общей человеческой природы в том смысле, чтобы человек приобрел способность и ловкость в какой-либо отрасли труда, чтобы он стал развитой и специфической рабочей силой, требуется известное образование или воспитание“ („Капитал“, т. I. Отдел второй, гл. 4, стр. 21, по изд. 1899 г. О. Н. Поповой).

Но если от целей воспитания человечество никогда не отказывалось и отказаться не может, то кем же и как устанавливаются эти цели воспитания? Здесь мы подходим к чрезвычайно интересному в педагогике вопросу, вокруг которого

сложилось много недоразумений. Одни утверждают, что цели воспитания устанавливаются воспитателем, самостоятельно или под влиянием и по указаниям талантливых педагогических мыслителей; другие говорят, что установление целей воспитания не зависит от отдельных лиц, как бы талантливы они ни были, а ставятся исключительно обществом и зависят, стало быть, от той или иной фазы развития человеческого общежития. Вы, вероятно, уже чувствуете, что этот спор „или-или“ поставлен совершенно неправильно? В самом деле. Могут ли отдельные мыслители провидеть более совершенные формы человеческого общежития и, в зависимости от этих форм, формулировать цели воспитания? Понятно могут, и могут тем легче, что социология уже вышла из полосы утопии и стала наукой. Доказательством только что сказанному может служить, например, тот же Маркс, который в своих писаниях не был чужд и целям воспитания. С другой стороны, можно ли вот сегодня, вне зависимости от общества в той или иной фазе его развития, *практически* достигнуть тех целей воспитания, которые вытекают из более совершенной формы человеческого общежития? Разумеется, нет. Следовательно, когда речь идет о целях воспитания, нужно различать те цели, которые устанавливаются отдельными мыслителями и которые могут захватить и отдельных воспитателей любого времени и любого общества, и те цели воспитания, которые устанавливаются обществом данного времени и которых оно, общество, достигает совокупностью всех условий своего бытия, а также организацией так называемого общественного воспитания в соответ-

ственных учреждениях. Вам, понятно, известно, что человеческие общежития, за исключением периода, именуемого первобытным коммунизмом, а также *будущего* социалистического общества, представляли и представляют собою классовые общества. Классы, на которые распадалось и распадается человеческое общество, ведут между собою постоянную—то скрытую—то явную, то „мирную“—то кровавую—борьбу. В классовом обществе один из борющихся классов является господствующим, а прочие подчиненными. Последние нападают на класс господ, а этот последний защищает всеми возможными средствами свое положение. Одним из средств защиты и борьбы за свое существование господствующих классов является организация последним общественного воспитания. Организуя общественное воспитание, господствующий класс ставит перед этим воспитанием и определенные цели. Таким образом, теоретические цели воспитания могут ставиться как угодно и кем угодно (я не могу здесь останавливаться на вопросе, что в постановке целей воспитания и отдельные мыслители не сверхсвободны, а зависят от так называемых идеологий, являющихся результатом очень сложных причин и ограничивающих свободу отдельных мыслителей), но практически в то или иное время цели воспитания диктуются господствующим классом.

Из только что сказанного вы сделаете совершенно правильное заключение, что между семейными ячейками, ведущими воспитание подрастающих поколений и ставящими себе те или иные цели воспитания, и обществом, преследующим свои определенные цели в подготовке новых поко-

лений, может происходить борьба. Я только добавлю, что борьба эта, как правило, обычно заканчивается победою общества, т. е. господствующего класса.

В нашей стране политическая власть в настоящее время принадлежит *пролетариату*, т. е. тому общественному классу, который борется не за свое освобождение только, но за освобождение всех эксплуатируемых, классу, коему законами развития человеческого общежития предопределено осуществить социальный строй, именуемый коммунизмом или социализмом. Я сказал „предопределено“. Этим я хотел подчеркнуть, что пролетариат не может не построить социалистического общества, если бы даже не хотел этого. Но „не хотеть“ он также не может. Ибо положение пролетариата в капиталистическом обществе таково, что пролетариату, „кроме цепей, терять нечего“....

Взяв политическую власть в свои руки, русский пролетариат, в силу тех причин, о коих я уже говорил, должен был организовать и общественное воспитание, ставя перед ним определенные цели, вытекающие из его, пролетариата, идеологии. Как же формулируются эти цели? Кратко эта формулировка выражается так: *воспитать борца за коммунизм и строителя коммунистического общества.*

Попытаемся раскрыть, хотя бы в самых общих чертах, эту формулировку.

Борец за новое общество и строитель новой общественности должен быть прежде всего физически здоровым, крепким и ловким; отсюда педагогическая проблема—*телесное воспитание.*

Совершенно естественно желать, чтобы этот

борец и строитель обладал сильной волей и определенными этическими привычками. Злостно лгут те, которые утверждают, что у социалиста, как материалиста, нет этики. Современный социализм этики, как таковой, не отрицает, но он утверждает, что этика, как и все, меняет свои формы и содержание, при чем последнее предопределяется тем общественным классом, который устанавливает в данное время правила общественной этики на практике. Ясно, что у пролетариата есть своя, пролетарская, этика. Следовательно, общественное воспитание в нашей стране ставит себе целью в области этического воспитания привить подростающим поколениям этику пролетариата, т. е. этику коммунистического общества. В педагогике эта проблема носит название *воспитания характера или воспитания поведения*.

Борец за коммунизм и строитель коммунистического общества должен максимально развить в себе ту способность, с помощью которой человек выдвинулся из ряда биологических существ и занял то место в природе, которое он сейчас занимает. Я имею в виду педагогическую проблему *воспитания мышления*.

Человеческий прогресс, основанный в конечном счете на экономике человеческого общежития, обязан не только способности мышления человека, но еще и другой способности, создающей новые формы борьбы с природою, новые формы внешней и внутренней культуры; название этой способности — *творчество*. Коммунистическое общество потребует максимального развития этой способности у своих членов. Совершенно естественна поэтому та педагогическая проблема, которая так

характерна для современной педагогики—проблема *воспитания творчества*.

Коммунистическое общество — это социальная гармония. Это не просто собрание людей, которые устроят себе грубо животное сытое существование. Нет. Уничтожение социальной дисгармонии, характерной особенности классового общества, это стремление к высшей степени красивому обществу, обществу, в коем максимально развернутся все хорошие стороны человеческой природы, среди которых далеко не последнее место занимает чувство красоты. Естественно, что пролетариат, устремляясь к цели воспитания, не может выбросить из числа последних того, что в педагогике получило название *эстетического воспитания* (наслаждение красотой, понимание и суждение о красоте).

Объявляя войну классам—эксплуататорам, стремясь к социалистически организованному обществу, пролетариат, как борец за новую человеческую общественность, основывается в своем поведении не на маниловских фантазиях, а на определенной идеологии, вытекающей из всей совокупности исканий человеческой научной мысли. Идеология современного пролетариата, иначе говоря—его философия, его мирозерцание, может быть названо *научным материалистическим монизмом*. Воспитать в подрастающих поколениях указанное целостное мировоззрение—одна из главных целей пролетариата.

Таково (понятно в самых общих чертах) содержание формулы „воспитать борца за коммунизм и строителя коммунистического общества“.

Какое положение должна занять семья в вопросах целей воспитания пролетариата? Должна ли

она признать эти цели воспитания и *своими* целями и, таким образом, всемерно стремиться к осуществлению этих целей, или же она должна признать пролетарские идеалы воспитания чуждыми ей идеалами и занять по отношению к ним враждебную позицию?

Поскольку речь идет о семьях трудящихся, о тех, кто „в поте лица своего ест хлеб свой“, постольку на поставленные вопросы может быть только один ответ: пролетарская программа борьбы за новый общественный строй—это и наша программа, пролетарские идеалы воспитания—это полностью и наши идеалы „Новая педагогика, разрабатываемая пролетариатом, не только должна быть победоносно противопоставлена старой, что она в интересах пролетариата, но также потому, что она в *интересах развития человечества в целом*“ (А. В. Луначарский).

Переходим теперь к семейному быту.

Вот перед нами сотни и тысячи крестьянских, рабочих, интеллигентских семей. Семей составившихся, помимо других, в целях „воспроизведения себе подобных“. При каких условиях у нас происходит зачатие этих „себе подобных“?

Многочисленные исследования условий зачатия в русских семьях устанавливают грустную параллель с одной стороной быта нашей семьи—*потреблением алкоголя*. Самое большое количество потребления вина, как видно на этой диаграмме, приходится в нашей стране в такие месяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь,—затем идет понижение потребления до конца декабря, с конца декабря кривая потребления резко повышается, высоко стоит в январе и феврале, затем резко падает, чтобы

бурно подняться в апреле и захватить в под'еме своем часть мая. Мысленно представив себе быт нашей семьи, вы удовлетворительно объясните указанное поведение кривой по потреблению алкоголя: осенью мы пьем по случаю праздника урожая, берем себя в руки и меньше прибегаем к „рюмочке“ в т. н. филипповки, пьем „бочками сороковыми“ на святках и в масляницу, воздерживаемся в „великий пост“, чтобы разрешить себе „веселие пити“ по случаю „праздника христово воскресенья“ и последующих весенних праздников. Теперь посмотрите на эту кривую, показывающую под'ем и падение зачатий по месяцам: вы видите полное совпадение между кривою зачатий и кривою потребления алкоголя, т. е. мы даем начало новым поколениям в состоянии опьянения. Великий акт любви, в результате которого является ребенок, обычно происходит в состоянии скотского опьянения его родителей, чаще всего отца!...

Медициной совершенно определенно устанавливается, что зачатые пьяными родителями обычно носят на себе следы тяжелой наследственности. Многих страданий и аномальностей избежали бы наши дети, если бы наша семья из пьяной обратилась в трезвую!

Зачав свое потомство в пьяном состоянии, мы в своем пьяном быту не щадим этого потомства и тогда, когда оно явится на свет. Имеются многочисленные исследования о потреблении алкоголя детьми. Кстати отметим, что в до-революционное время у нас по последнему вопросу чрезвычайно большая работа проводилась Московским Кружком Деятелей по борьбе с детским алкоголизмом и в особенности членом этого Кружка д-ром А. М. Ко-

ровиным. Я за краткостью времени, ограничусь приведением из обширного материала А. М. Корovina лишь небольшого числа данных. Обследование учащихся начальных школ Петрограда (ныне Ленинграда) дало:

учеников пьющих—94%
учениц пьющих —91%

Жуткие данные!

В потреблении алкоголя, как известно, большое значение имеет *начало* потребления: „первая—колом, вторая—соколом, третья—мелкой пташечкой“, говорит наша пословица.

Данные о 9.473 мальчиках, учащихся начальных школ Московской губернии, говорят по этому поводу вот что:

первый раз заставили выпить	родители	68,3%
„ „ „ „	родные и близкие знакомые родит.	26,6%
„ „ „ „	товарищи или самостоятельно	5,1%

А вот данные относительно 3,673 девочек, обучающихся в начальных школах той же губернии:

первый раз заставили выпить	родители	72,2%
„ „ „ „	родные и близкие знакомые родит.	23,1%
„ „ „ „	товарищи или самостоятельно	4,7%

Вы видите, как любящие папаши, и мамыши, тети и дяди спешат приобщать „к рюмочке“ свое дорогое потомство!

Мне нет надобности рассказывать вам, как вредно отражается на нежных организмах алкоголь. Отмечу только, что потребление алкоголя

школьниками чрезвычайно тяжело отзывается на их успеваемости и на их поведении.

Жуткие результаты пьяного быта подмечены нашим народом и выражены в пословице:

„На старости две радости: один сын—вор, другой—пьяница“....

Артистически спаивая детские поколения, наш семейный быт не умеет, как и следовало ожидать, установить для детей ни здорового жизненного режима, ни целесообразного пищевого режима. Этими обстоятельствами объясняется чрезвычайно высокая детская смертность в нашей стране, занимающей в этом отношении чрезвычайно непочетное *первое* место....

У очень вдумчивого педагога нашего времени, итальянки Монтессори, мы встречаем чрезвычайно остроумный совет взрослым, не научившимся считаться с детским интересами и с условиями их детского бытия: он советует этим взрослым пожить некоторое время в жилищах сказочной страны великанов. Представьте себя на минуту в подобном жилище. Вам нужно лечь спать—и вот к вашим услугам высоченная кровать, на которую вы сможете забраться с помощью пожарной лестницы; вы хотите покушать—опять вам нужно тащить ту же лестницу, чтобы взобраться на стул; сели вы на стул, но никак не можете дотянуться до грандиозного стола, на котором стоят не менее грандиозные тарелки с ложками такой величины и веса, что для того, чтобы справиться с ними, вам понадобится целая система сложных приспособлений. Вы в такой обстановке не весело будете чувствовать себя. А между тем, наш семейный быт создает именно такие условия для наших

детей. Создавая обстановку своего жилища, мы принимаем во внимание *только* интересы взрослых, не считаясь совсем с детскими интересами. Я вижу в ваших глазах огоньки смеха: вы, вероятно, думаете, что я сейчас заговорю о специальных детских комнатах, и у вас уже готово возражение в виде нашей пресловутой „жилплощади“. Условия „жилплощади“ мне, т. т., так же хорошо известны, как и вам. Но как бы „жилплощадь“ мала ни была, простая справедливость требует при использовании этой жилплощади соблюсти и интересы маленьких людей. В каждой семье, имеющей детей, непременно место должны занимать „детские уголки“.

Обстановка детских уголков для разных возрастов детей будет разная. Младенчеству—отдельная кроватка; раннему детству—так называемая „школа ходьбы“ и кровать; более старшему детству и отрочеству—соответственные росту стол, креслице и кроватка. О значении отдельной постели я говорить не стану: оно совершенно ясно. Но вот перед вами гражданин или гражданочка, только что научившиеся сидеть и делающие попытки передвигаться по „звериному способу“, на четырех. Обычная картина: ребенка сажают на любое место пола, часто не совсем чистое (теперь уже я вас призываю вспомнить условия нашей жилплощади!), он начинает передвигаться, добирается или до „поганого“ ведра, или до несовсем безопасной для него временной печи и т. д.; мать вовремя заметившая неприятности, грозящие ее отпрыску, стремглав бежит к нему, чтобы обезопасить его от этой неприятности, и сажает его на прежнее место; через минуту начинается история

вновь; мать в отчаянии. *Рекомендуемая* картина: в определенном месте комнаты, достаточно теплом, достаточно светлом, вы ставите невысокий ящик из простых хорошо выструганных досок; боковые стены этого ящика обиваете какой-нибудь материей, дно застилаете ковром, или, если оно хорошо выстругано, ничем не покрываете, и „школа ходьбы“ готова. Вы сажаете в эту „школу“ ребенка, даете ему какую-нибудь несложную игрушку и предоставляете самому себе. Ребенок в такой „школе“ может лежать, сидеть, ползать, становиться на ножки, держась за края и т. д. Понятно, лучше всего было бы, если бы к услугам всех маленьких детей были общественные ясли. Но если их нет, не забывайте про „школу ходьбы“.

Ребенок трех-четырех лет должен быть помещен в детский сад. Советская общественность многое сделала по созданию дошкольных учреждений. Но целый ряд условий не позволяет сеть этих чрезвычайно необходимых учреждений насадить так густо, чтобы охватить всех детей дошкольного возраста даже в городах. Поэтому родители должны проявить максимум энергии и изобретательности по созданию „домовых детских садов“, которые я усиленно рекомендую. Маленького ребенка нельзя по нашим общим условиям, и в частности, климатическим, далеко уводить от местожительства. Это и беспокоит родителей и небезопасно в интересах охраны здоровья. Поэтому необходимо в доме с населением в 15—30 семей создать свой детский сад. Это достаточной величины комната, теплая, светлая, обмещлированная простыми, по росту детей, столами и легкими дешевыми креслицами,

снабженная несложными игрушками и простейшими материалами. Руководить в таком примитивном домовом детском саду могут или матери по очереди или наемная садовница (последнее лучше). Родителям все это будет стоить совсем недорого, но педагогическое значение таких учреждений колоссальное: дети находятся в обществе сверстников, они заняты, они вот тут близко от матери и т. д.

А вот перед вами школьник или школьница 8—9 лет. Приходит ребенок из школы и садится за отцовский стол, чтобы порисовать, почитать. Приходит отец со службы и... гонит ребенка от своего письменного стола. Ребенок переключивается к общему столовому столу. Но чайник вскипел, семья садится пить чай, и... ребенка опять гонят. Знакома вам эта картина? Дайте этому мученику-мальчику или мученице-девочке простенький небольшой отдельный столик и отдельный стул или креслице. А если детей несколько, не пожалейте о таком наборе мебели для каждого. Потеснитесь немного. Ведь вы сами любите говорить: „В тесноте, да не в обиде“.

Поведение человека зависит от так называемой конституции его и того или иного этического идеала.

Под конституцией человека должно понимать совокупность всех биологических особенностей человеческого организма: роста, веса, объема черепа, груди, цвета волос и т. д., вплоть до предрасположения к тем или иным заболеваниям. Совершенно естественно, что конституция *растущего* организма не совпадает с конституцией *сложившегося* уже человеческого организма. За редким исключением, наши родители не представляют себе

важности этого различия, и поведение детей меряют меркой собственного поведения. На этом основано чрезвычайно много тяжелых моментов в жизни наших детей. Лишь отчетливое представление „Кодекса поведения“ ребенка, вытекающее из той или иной конституции его, может предотвратить эти моменты.

В предъявляемых к поведению детей требованиях немаловажную роль играют этические взгляды родителей. Этика каждого человека в конечном счете вытекает из *концентрирующего жизненного идеала*. Отсутствие у того или иного человеческого индивида концентрирующего жизненного идеала отражается как на его собственном этическом поведении, так и на этических требованиях, предъявляемых к ребенку.

Концентрирующим жизненным идеалом у наших предков была религия: требованиями религии определялись и этические требования. Многие из вас помнят, вероятно, чем руководствовались ваши родители, предъявляя к вам требования не лгать, не брать чужого, не обижать близких и т. д.: это не угодно богу, боженька за это накажет, попадешь в ад—вот мотивы требования религиозных родителей.

Современное человечество не может, понятно, строить свой концентрирующий жизненный идеал на том, что носит название религии: *все современные знания человечества о природе, о человеке, о человеческом обществе находятся в резком противоречии с основами религий*. В современных семьях на этом противоречии все больше и больше нарастает *отрицание* того, чем жили предыдущие поколения. Этот нигилизм—совершенно несомнен-

но глубоко прогрессивное явление, и распространению его следует только радоваться. Но воспитания подрастающих поколений нельзя строить на одном только отрицании. Вот тут то и выступает огромное значение *положительного* концентрирующего жизненного идеала.

Концентрирующим жизненным идеалом миллионов трудящихся современных человеческих обществ должен быть *социализм*, т. е. такое гармоническое человеческое общество, в котором не будет места ни угнетению слабого сильным, ни обжорству одних и голоданию других, ни излишества имущих и поэтому отсутствию самого необходимого у неимущих и т. д. и т. д. Социалистическим идеалом должно определяться как этическое поведение взрослых, так и те требования и те мотивы требований, какие предъявляются взрослыми к подрастающим поколениям. Но много ли современных семей, старшим членам которых—отцам и матерям—социализм служит путеводной жизненной звездой? В этом глубокая трагедия нашего быта в отношении его к детям. „Врачу, исцелися сам“, может сказать юный человек своим родителям почти в каждой семье.

У чрезвычайно вдумчивой нашей современницы, Эллиен Кей, в ее книге „Век ребенка“ находим такие строки: „Если прежнему строгому воспитанию, выполнявшему только черную работу в этом деле, удавалось придать характеру стальную, так сказать, форму или покроя, то лишь потому, что в этом воспитании были единогласие и последовательность. Да, оно было последовательно строгим, не так, как в наше время, когда воспитание—не что иное, как не имеющее никаких основ колеба-

ние и шатание между всевозможными выводами педагогических методов и психологических настроений, при чем ребенок, точно мяч в руках взрослых, перебрасывается то туда, то сюда, его то возвеличивают, то издеваются над ним, раз отталкивают, другой—привлекают, то целуют до полусмерти, то командуют. Взрослый человек сошел бы с ума, еслиб какой-нибудь шутник—титан вздумал в течение одного только дня так обращаться с ним, как он целые годы обращается со своим ребенком“.

Русский народ, констатируя, что „у семи нянек дитя без глаз“, достаточно четко подчеркнул печальные последствия непоследовательности старших в их требованиях к подрастающим поколениям.

В ребенке, как в почке цветка, природою заложены различные задатки. Одним из наиболее ценных задатков юного человека является его творческие способности. Семейный быт наш редко уподобляется мудрому садовнику, не мешающему естественно созреть почке и получающему в результате своей мудрости пышный цветок. Мы или заваливаем ребенка игрушками, различного рода работами, которые по нашему мнению должны способствовать развитию его творческой личности, или же, наоборот, всячески требуем от него, чтобы он „заялся делом“, т. е. делал то, что полезно нам взрослым. Обращение детей в „прислугу“ взрослых—явление, часто наблюдаемое даже в так называемых интеллигентных семьях.

Я позволю себе прочесть вам страницу из книги профессора Ветекампа: „Самодетельность и творчество в воспитании и преподавании“.

„Если бы меня спросили: „когда должно начинать воспитание самостоятельности?“, то мне пришлось бы ответить: „с первого года жизни“. Разумеется, в первое время нет иного способа, как по возможности оставление ребенка в покое. Маленькому ребенку всего полезнее лежать спокойно. Тогда он постепенно научается пользоваться своими глазками и ручками и делает такую массу открытий, что совсем не успевает соскучиться. Вскоре окружающие заметят, с какой точностью предоставленный самому себе младенец приспособился к окружающей обстановке, как он замечает в ней каждую малейшую перемену и даже ощущает ее, как нечто неприятное. Ребенку столько дела с этим изучением, что совершенно ненужно постоянно таскать его на руках, качать и проделывать перед ним разные штуки. Этим дитя только приучается, чтобы его развлекали другие, вместо того, чтобы развлекаться самому—и своею вечною неудовлетворенностью оно становится в тягость и самому себе и родителям. Разумеется, я не хочу сказать, чтобы родные должны были совершенно не заниматься ребенком; но необходимо предостеречь их от чрезмерного усердия в этом отношении.

Первою игрушкою служат ребенку собственные ручки. Позднее, когда он научится хватать, его очень забавляет маленькая погремушка. Как скоро дитя начало приподниматься, нельзя уже требовать, чтобы оно спокойно лежало в кроватке. Тогда его можно положить на ковер, где оно скоро начнет ползать. Если же это окажется опасным для скатертей, гардин и т. п., то можно поместить ребенка в оббитое чем-нибудь мягким

„стойло“, дно которого тоже покрыто ковром (то, что проф. Ветекамп называет „стойлом“, я описывал под названием „школа ходьбы“ А. Б.). Здесь он скоро начнет стараться встать на ножки, хотя бы его никто не побуждал к тому. Здесь ребенка можно целыми часами предоставлять самому себе без малейшей опасности.

Дитя будет чувствовать себя превосходно, если ему дадут несколько игрушек. Но и в этом необходима осторожность. Нет ничего хуже черезчур многочисленных и сложных игрушек. Наилучшими игрушками будут самые простые: самые простые куклы (и для мальчиков), деревянные кирпичики для постройки и т. п. гораздо ценнее для ребенка, чем все дорогие, сложные и даже механические игрушки. Кирпичики, например, то употребляются вместо кукол, то из них строится дом, то железная дорога и т. д.

Дитя в своих играх хочет простора для своей творческой фантазии. Его стремление к самостоятельности и нелюбовь к постоянной опеке доказывается всего лучше его отношением к механическим, сложным игрушкам, которые после первой, скоро преходящей, вспышки восторга, лишь тогда становятся ему приятными, когда они совершенно разломаны, так что каждой их части можно дать любое назначение. Это должно служить для нас указанием при выборе детских забав.

Одним из лучших и дешевых материалов является в этом отношении бумага. Еще совсем маленькие дети, едва научившись владеть ручками, не знают лучшего удовольствия, как комкать бумагу и разрывать ее на мельчайшие кусочки. Они способны надолго увлекаться этим занятием.

Позднее не следует бояться дать вместе с бумагой и ножницы, хотя бы с закругленными концами. Нечего бояться, что дитя поранит себя ножницами. Гораздо менее опасно, чтобы дитя спокойно играло ножницами, которые ему даны, чем чтобы оно боязливо хватало их и резало ими потихоньку, за спиною у матери. При игре ребенок уже сам заметит, что эти ножницы могут „кусать“ и будет тем осторожнее.

Просто удивительно, какие работы может производить крошечное дитя при помощи бумаги и ножниц: например, из газетного листа получается дом с отворяющимися окнами и дверями и т. п. А затем пусть сообразят, какая громадная умственная работа производится при этом ребенком, и какую массу опыта дает ему подобная игра.

Потом детям должна быть дана возможность принять участие в хозяйстве. Все они имеют стремление помогать матери в домашних делах. Пусть им будет дана работа, доступная их слабым силам. Радость по поводу исполнения такой самостоятельной работы станет для них истинным источником наслаждения и доверия к собственным силам. Если же почему либо детей уж нельзя допустить к участию в настоящей работе, то можно призвать на помощь их фантазию. Пусть, играя, они подражают работе: они и тем будут довольны. Их воображение создаст при помощи чашечки и песка прекрасное, вкуснейшее пирожное.

Воспитанный таким образом, ребенок никогда не задаст постыдного вопроса: „Мама, во что мне теперь играть“? Он всегда будет знать, во что ему играть, и мать скоро заметит, что дети, привыкшие забавлять себя сами, не имеют времени

на шалости. Так называемые проказы детей в большинстве случаев происходят лишь от неудовлетворительной жажды деятельности.

И другими путями нужно стремиться развить в детях доверие к собственным силам. Когда они уже настолько умеют ходить, чтобы сопровождать родителей по улицам, их следует водить за руку разве только в самых опасных местах, а большую часть пути нужно предоставить им идти одним. Точно так же, когда они приходят за помощью, им нечего оказывать ее тотчас же, а надо еще посмотреть, не могут ли дети сами исполнить желаемое, и побудить их к тому, дав соответствующее указание или поддержку.

Получая от детей столь обычный ответ: „Я этого не могу“, надо непременно возражать: „Не надо говорить: „не могу“, а надо сказать: „я сейчас попробую“. Какое славное указание дает нам Шиллер в „Вильгельме Телле“! Маленький Вальтер приходит с жалобой и просьбой к отцу: „У меня порвалась тетива. Почини ее отец!“ Но тот отвечает: „Я не стану. Настоящий стрелок поможет себе сам“. Так должны бы мыслить и поступать все родители. Тогда дети скорей становились бы в жизни на свои ноги“.

Предлагаю Вам сравнить Ваше собственное отношение к творчеству детей с советами профессора Ветекампа!

Не могу не остановиться еще на одной стороне нашего семейного быта, имеющей отношение к природным наклонностям и влечениям наших детей. Как только родился ребенок, чадолюбивые отцы и матери начинают мечтать о жизненной карьере его. Чем больше у родителей материаль-

ных возможностей, тем их планы о карьере детей настойчивее. Не справляясь с желаниями и способностями детей, родители предопределяют, кем быть—врачем, артистом, юристом и т. д.—их сыну или дочери. В результате чаще всего изломанная жизнь, неудовлетворение своей профессией со всеми вытекающими из этого последствиями. Как много выиграло бы общество и сами дети, если бы родители больше прислушивались к голосу детей при выборе жизненных путей для них!

Человеку свойственно стремиться не только к сытой и теплой жизни,—он любит все светлое, красивое. Если вы внимательно изучите *внешние* условия нашего семейного быта, вы поразитесь, как мы некрасиво живем. Речь наша режет уши и своей неправильностью и не изящностью, обстановка комнат наших—сплошная безвкусица, досуг наш занят пересудами, а часто пьянством. Все это, как липкая грязь, всасывается нашими детьми, и, ставши взрослым, они творят копию нашей некрасивой жизни. Дети русского крестьянства, обездоленные в других отношениях, часто оказываются относительно воспитывающей красоты в гораздо лучших условиях, нежели дети горожан. Вот перед моими глазами крестьянская семья нашего старообрядческого севера: звучная, правильная и красивая русская речь; чудные напевы старинных русских песен, изящная простота русской одежды... Мы, забыв красивую безыскусственную старину, *не усвоили красоты цивилизации*—в результате, по горькому выражению Решетникова, „цивилизация парикмахерская“ — обычная обстановка нашего семейного быта.

Едва ребенок начал лепетать, он засыпает взрос-

лых вопросами. Вам, понятно, хорошо известны эти детские: это что? а почему? а зачем? Своими вопросами ребенок призывает на помощь старших, чтобы понять то непонятное, что его окружает. А вначале ему все непонятно. Наши темные, лишенные света знания, отцы и матери, часто не могут разрешить правильно недоумений ребенка и питают его суевериями. Если ребенок не попал в школу, или же все образование его ограничилось начальной школой,—а вы знаете, что это не редкое явление нашего быта,—из него вырастает человек с самой сумбурной смесью разнообразных суждений об обществе, о поведении и т. д. *Суеверная семья дает и суеверное миросозерцание своим подрастающим поколениям.* Свет учения многочисленных поколений до сих пор еще не выводит из тьмы... Научный материалистический монизм—лозунг нашего современного миросозерцания—все еще необычайно далек от нашего невежественного и темного быта.

Наукою о воспитании—педагогикой—найден ряд мер для воздействия на подрастающие поколения. Семья наша в области этих мер все еще стоит на уровне *средневековья*. Главными воспитательными приемами у нас все еще является страх, запрещение и наказания, часто телесные. Вот вам сценка из жизни так называемой интеллигентной семьи, из обихода которой телесные наказания, вероятно, уже изгнаны, но спасительный страх все еще главное средство воспитания:

„Жарко. Солнце растеклось по небу. В тесном саду маленькой дачи не продохнуть. Земляничка стоит на желтой, горячей дорожке возле лестницы, ведущей на веранду. Одной рукой она размазывает слезы по лицу, другой придерживает расте-

гнутые, обшитые кружевцем штанишки, круглая соломенная шляпка болтается за спиной, грудка, под измазанным фартуком, судорожно вздрагивает.

С веранды на Земляничку смотрит мама и сердится:

— Нехорошая девочка, бесстыдница, три года, а штаны мокрые!

В страшном горе Земляничка прерывисто всхлипывает. Ей хочется объяснить, что на лужайке было очень жарко, что ей было очень некогда, что она не заметила, и что, если бы мама была на ее месте, она бы, наверное, тоже терпела, терпела и сделала бы...

Но Земляничка знает, что мама не поймет, и поэтому говорит:

— Это не я.

Мама удивляется:

— Как не ты?

— Не я.

— Твои штаны и не ты намочила?

— Не я.

— А кто же, если не ты?—совсем сердито спрашивает мама, и Земляничка, прижатая к стене, в отчаянии говорит:

— Это ночной сторож.

Ей очень неприятно так подводить ночного сторожа, хотя она его никогда не видела, и знает про него только, что он бьет в колотушку. Но что же делать?

— Вот как, так это ночной сторож виноват,— строго говорит мать,— а как же он попал в твои штаны, Земляничка?

— Он заблудился,—храбро врет, готовая на все Земляничка“...

Вы смеетесь? И мне смешно. Но сделайтеся на минуту Земляничкой и переживите то, что она пережила. Страх, ложь, напраслина на ближнего— вот результаты этой совсем для Землянички не комической сценки.

Загляните в наши крестьянские и рабочие семьи— розга, ремень, кулак все еще гуляют по спинам и головам юных людей, делая многих из них калеками на всю жизнь.

Народная мудрость отводит нашему бытовому воспитателю—побоям—много внимания и старается часто оправдать их. Вспомните: „Матерни побои не болят“, „Мать и бия не бьет“, „Родная мать и высоко замахивается, да не больно опустит руку“. Но в пословице: „Наемная рука хорошо бьет ребенка, да плохо ласкает“ вы чувствуете уже решительное осуждение нашего привычного воспитательного средства.

Телесные наказания вредны для детей не только тем, что вызывают физическую боль, иногда и серьезные повреждения, — они *морально* калечат детей. У Эллен Кей читаем:

„Одного маленького четырехлетнего мальчика, которого я с радостью причислю к своим друзьям, наказали в первый и, к счастью, в последний раз. Когда его няня напомнила ему вечером, чтобы он перед сном помолился, он ответил: „да, сегодня мне действительно нужно кой о чем попросить бога“. И затем он с серьезным видом произнес следующую молитву: „Милый боже, прошу тебя, оторви маме руки, чтобы она не могла меня больше бить“.—

Комментарии излишни, не правда ли?

Но телесные наказания вредны не для детей

только: они вредны и для родителей, ибо лишают их возможности совершенствоваться, искать новых путей в трудном деле воспитания подростяющих поколений. У одного ученого есть по поводу телесного наказания очень удачное сравнение: он сравнивает воспитателя, прибегающего к таким средствам, с музыкантом, который начнет обрабатывать кулаками свой расстроенный инструмент, вместо того, чтобы начать его настраивать при помощи слуха и пальцев.

Время мое давно истекло. Но позвольте в заключение остановиться еще на одной стороне нашего семейного быта в его отношении к детям. Как ни темн, как ни дик, как ни дисгармоничен наш семейный быт с идеями воспитания, вытекающими из идеологии пролетариата, есть в семье, за очень редким исключением, одна светлая сторона. Это родительская любовь, особенно матерей.

Если бы к этой любви прибавить педагогические знания—наши отцы и матери стали бы воистину воспитателями и воспитательницами.

„Искусство воспитания,—говорит известный русский педагог Константин Дмитриевич Ушинский,—имеет ту особенность, что почти всем оно кажется делом знакомым и понятным, а иным даже делом легким,—и тем понятнее и легче кажется оно, чем менее человек с ним знаком, теоретически или практически. Почти все признают, что воспитание требует терпения; некоторые думают, что для него нужны врожденная способность и умение, т. е. навык; но весьма немногие пришли к убеждению, что, кроме терпения, врожденной способности и навыка, необходимы еще специальные знания,

хотя многочисленные педагогические заблуждения наши и могли бы всех убедить в этом“.

Кончая, не могу не высказать уверенности, что современная общественность наша, смело и решительно перестраивающая весь наш уклад, поставит, наконец, и перед школами задачу—*подготавливать наших юношей и юниц к важнейшей общественной функции: не только рождать новые поколения, но и правильно воспитывать свое рождение.* Таким путем мы придем к освобождению наших детей от гнета тьмы и невежества нашего семейного быта. Воспитание родителей—это логический вывод из истинной любви к детям, этого, наконец, требует и истинный прогресс человечества! (аплодисменты).

Последние работы того-же автора:

1. Очерки по организации педагогической работы. М.-Л. Московское Акционерное Издательское Об-во. 1927 г., 116 стр., ц. 1 рубль.

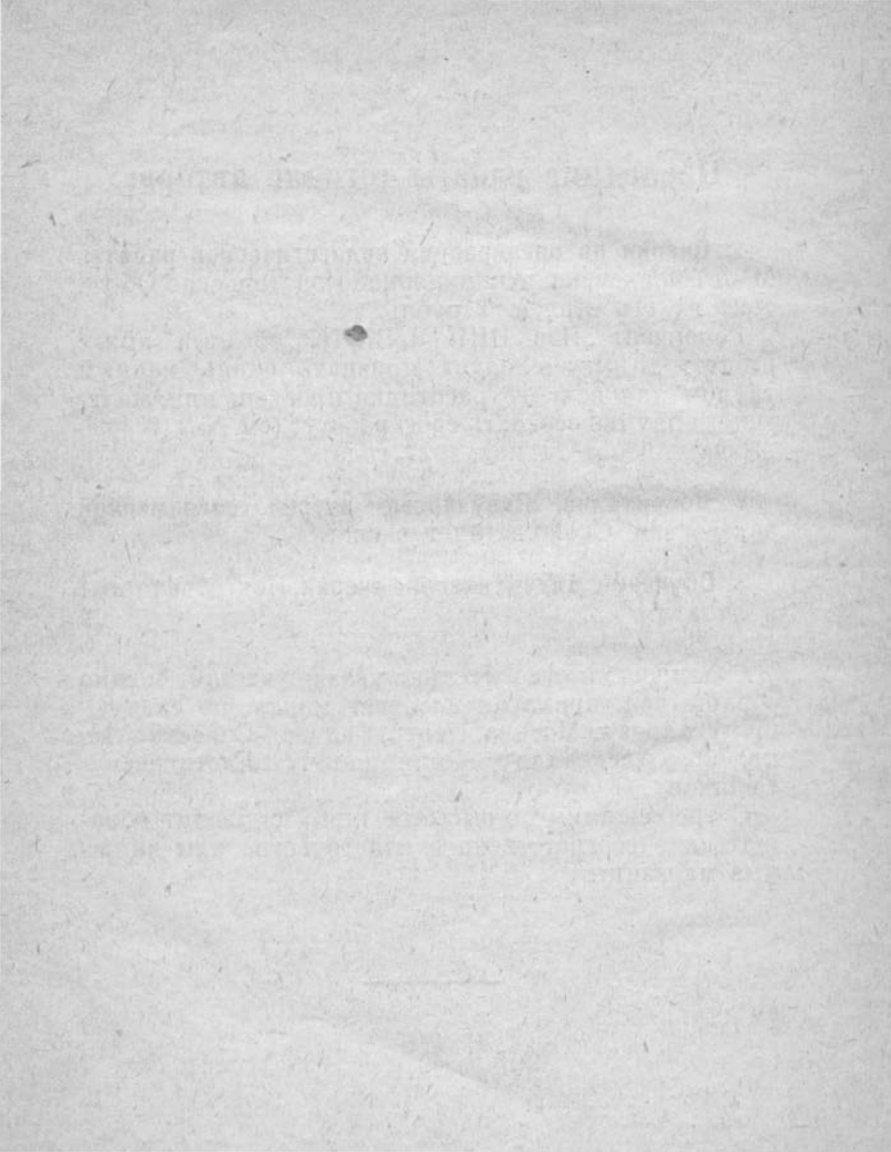
Рецензент „Изв. ЦИК и ВЦИК“ об этой книге пишет: „Книгу следует признать очень ценным трудом для всякого работника просвещения, желающего научно осознать свою работу“ (см. № 116/3050 „Известий“ от 24 мая 1927 года).

2. Воспитание. Популярные очерки современной педагогики. Скоро выйдет в свет.

3. Обучение. Дидактические очерки. Подготавливается к печати.

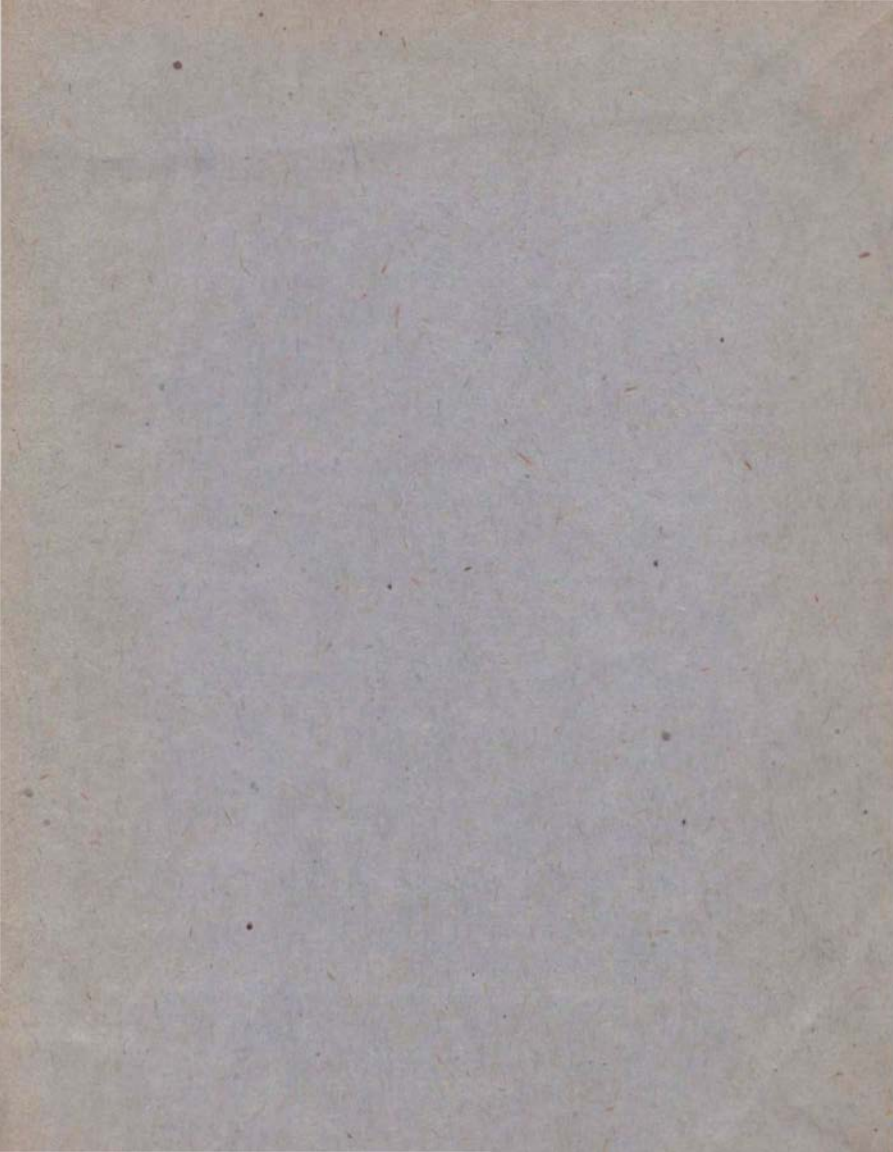
С запросами относительно указанных книг можно обращаться, прилагая на ответ марку, по следующему адресу: Москва, Центр, Садовая-Спасская, 19, кв. 96, Александру Филипповичу Евстигнееву-Белякову.

С требованиями о высылке книг надлежит обращаться в соответственное издательство или книжные магазины.

21090

Цена 20 коп.

2010515185